

УЧИТЕЛЯ ЗЕМСКИХ ШКОЛ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.

Острога Валентина Михайловна
доцент кафедры истории Беларуси и политологии
Белорусского государственного технологического университета;
кандидат исторических наук, доцент
(г. Минск, Беларусь)

В статье анализируется правовое и материальное положение учителей земских школ Беларуси в начале XX вв. Автор поднимает проблему обеспечения школ педагогическими кадрами, рассматривает права и обязанности учителей, условия их жизни и труда, а также уровень материального обеспечения. Дается оценка деятельности земских учреждений в сфере народного образования и кадровой политики.

Развитие капитализма и новые общественно-экономические отношения, вызванные буржуазными реформами 60–70-х гг. XIX в., дали импульс для более широкого развития народного просвещения и открытия учебных заведений разных типов. Существенную нишу в системе образования Беларуси в начале XX в. заняли земские школы. В отличие от губерний центральной России, где еще в 1864 г. создавались земские учреждения для управления местным хозяйством, развития образования и медицины, в западных губерниях (Минской, Витебской и Могилевской) управления по делам земского хозяйства были введены лишь в 1903 г.

В начале XX в., несмотря на значительное расширение сети учебных заведений, проблема введения всеобщего обучения оставалась острой. В данный период по статистике, например, в Могилевской губернии «одна церковно-приходская школа и одна министерства народного просвещения приходится на 2549 человек; посещает школу только 25% детей школьного возраста, остальные дети (75%) остаются неграмотными за неимением школ и недостатком у крестьян средств на постройку и содержание таковых» [1, с. 7]. В 1906 г. Могилевской губернской

земской управой был подготовлен свой проект открытия новых школ, согласно которому обязанность их финансирования делили между собой министерство просвещения и земства. Уже в 1907 г. были созданы 154 начальные школы, на содержание которых из казны отпускалось 60 тыс. руб. и столько же денег выделяло губернское земство. Благодаря материальной поддержке и инициативной деятельности представителей земских органов в 1910 г. работало 720 школ, в 1916 г. – около 2 000, а к 1918 г. планировалось обеспечить учебными местами всех детей школьного возраста [2, с. 4].

В своей образовательной деятельности земские учреждения оказывали определенное внимание и вопросу подготовки педагогических кадров для народных школ. Активное участие в качестве фундаторов и организаторов специальных педагогических курсов принимали земства. Например, в 1912 г. Рогачевское земство на помощь 54 слушателя выделило 1080 руб., Быховское – 200 руб. (по 50 руб. 4 курсистам, которые направлялись в столичные города) [3, л. 15]. Кроме того, Могилевское уездное управление на все 11 уездов выдало 660 руб. учителям, которые во время каникул ехали на курсы в Москву, Петербург и Вильно. Среди них был Р. Сергиенко из Горецкого уезда. Он побывал на курсах в Петербурге летом 1911 г. Лекции там читали лучшие преподаватели университетов [4, л. 9, 13]. На курсах, организованных в 1910 г. Минским земством, было проведено 12 бесед по педагогике и психологии, 53 – по методике преподавания предметов начальной школы, 40 уроков – курсантами с последующим их обсуждением, прочитаны лекции по истории России, родного края, гигиене, ботанике [5, с. 34]. На заседании Могилевского земского собрания в 1913 г. решили не только организовывать за свой счет курсы для учителей, что требовало около 1500 руб., но и создать долговременную курсовую комиссию для выработки специальных программ и определения мест проведения [6, л. 8].

Земства принимали активное участие и в финансировании деятельности средних учебных заведений. Например, доля земских денежных вложений в общем бюджете учительских семинарий Беларуси в 1913-1915 гг. составляла 9-11%. В 1917 г. расходы на содержание Сеннинской женской гимназии в размере 18680 руб. «всецело» ложились на счет уездного земства [7, л. 3].

Сельские общества, как правило, обеспечивали школу помещением, охраной, отоплением и освещением. Участие земства заключалось в вознаграждении учителей, в снабжении школ мебелью, учебными пособиями и письменными принадлежностями. Следует отметить, что учебные занятия часто велись в сырых и тесных помещениях – «курных избах», которые не отвечали самым скромным требованиям и не были приспособлены для этих целей. Нанять лучшие было невозможно – их просто не было. Школьная мебель также являлась примитивной: «иную приобрести в белорусских селах представлялось невозможным». Например, в 1904-1905 учебном году классную мебель Завидовского народного училища Могилевской губернии составляли «стол, табурет, 17 скамеек и одна классная доска» [8, л. 21]. Часто в здании самой школы находилась и квартира учителя. Для работы учителю порой не хватало самого необходимого. В большинстве один учебник приходился на 2-3 человека, не было наглядных пособий (карт, глобусов и др.), необходимой методической литературы. Гигиенические нормы для класса количеством 60 человек требовали, чтобы он имел длину 15 аршин, ширину – 10, высоту – 4,5 аршин, 7 окон и др. Даже в 1910 г., как видно из донесения минского директора народных училищ опекуну округа, земские школы Речицкого уезда имели в 3-6 раз меньше площади на одного человека, чем было установлено. Во многих школах было настолько тесно, что нельзя было пройти между скамейками, поставить стол для учителя или шкаф с книгами. Для нормализации ситуации были созданы специальные комиссии. Участковые земские врачи, которые смотрели на школу как на «инфекционный барометр», и инспектора начали проводить санитарно-гигиенические осмотры помещений. Старые и дряхлые решено было заменить новыми, многие отремонтировать и обновить.

Правовой статус учителей земских школ оставался противоречивым. С одной стороны, педагоги содержались органами общественного самоуправления и считались «земским служащим». Со второй стороны, их положение в целом соответство-

вало статусу государственных служащих (например, назначение, перемещение и увольнение учителей осуществляли министерские чиновники). «Приискание или избрание кандидата на учительские должности» в первую очередь осуществлялось земскими управами или же крестьянскими обществами, что зависело от того, кто брал на себя обязанности содержания школы и «учащего». Принятый на работу педагог утверждался в должности уездным училищным советом, в котором главная роль отводилась инспектору. В качестве меры поощрения, так и наказания, учителей (разумеется, без их согласия) часто переводили из одного народного училища в другое. За «неодобрительное поведение», «нетрезвый образ жизни», «дурное обращение с учащимися» и др. учителей вовсе отстраняли от занимаемой должности.

Следует отметить, что должность преподавателя предполагала ряд прав и преимуществ. Он являлся лицом, «по уполномочию правительства отправляющее известные служебные обязанности», поэтому пользовался правами государственной службы. Оскорбление учителей при исполнении ими обязанностей службы подлежало преследованию по ст. 285-286 уложения о наказаниях как оскорбление «чиновника». Служба педагога давала право на льготы по отбыванию воинской повинности: педагог освобождался от службы в армии в мирное время и сразу зачислялся в запас на 18 лет. Учителя, бывшие представителями податных сословий, освобождались от натуральных повинностей. На основании п. 31 устава гимназий освобождались от платы за учение в этих заведениях сыновья преподавателей земских школ, прослуживших не менее 10 лет, если последние предоставляли свидетельство о бедности. Также педагоги, которые участвовали в деятельности пенсионной кассы и платили ежемесячно взносы в размере 6% от зарплаты, имели право на получения пенсии. Кто прослужил от 20 до 25 лет, при отставке получал половинный, более 25 лет – полный оклад жалования. За успешное исполнение в течение 12 лет обязанностей учителя они удостоивались звания личного почетного гражданина, а обратившие на себя внимание начальства «продолжительной и полезной службой» награждались золотыми и серебряными медалями с надписью «За усердие» на Андреевской и Александровской лентах. В 1906 г. учителя получили право доступа к участию в политической жизни: не только избирать выборщиков депутатов Государственной думы, но и быть избранными. Земские учителя также могли привлекаться к участию в заседаниях земских собраний в качестве «сведущих лиц», особенно если на повестке дня стояли вопросы развития народного образования.

Для большинства учителей их доход состоял исключительно из заработной платы, средний уровень которой в начале XX в. равнялся примерно 360 руб. Определенную прибавку к жалованию можно было получить за дополнительные занятия, например, факультативы. Так, учительница Подзейковского училища Могилевской губернии А. Орлова по своей инициативе с 1910 г. начала учить девочек обувному искусству. Изделия учениц попали в уездную земскую управу и были очень высоко оценены. Земские власти признали справедливым выделять ей деньги ежемесячно: 60 руб. за дополнительный труд и 20 – на приобретение необходимых для занятий материалов. Такие же суммы отпускались Могилевской земской управой Ш. Холостовой из Сергиевского училища за преподавание вязания, шитья и вышивания [9, л. 2-9]. В отчетах Витебской дирекции за 1914 г. в качестве дополнительных занятий значились ручной труд, ремесло, рукоделие, сельское хозяйство и др.

Таким образом, учителя земских школ своим профессиональным трудом способствовали повышению культурного уровня населения. Несмотря на растущую роль образования, материальное и правовое положение учителей было невысоким. Статус преподавателей оставался двойственным и проявлялся, в первую очередь, в характерном «многочалии» над земской школой.

Список использованной литературы

1. Н. С.-к. Обзор деятельности могилевского земского управления в деле народного образования / Н. С.-к. // Могилевский учительский вестник. – 1910. – № 5. – С. 6-13.
2. Местная хроника // Вестник Могилевского земства. – 1916. – № 18. – С. 4-6.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2084, оп. 1, д. 127.

4. НИАБ. Ф. 2084, оп. 1, д. 159.
5. Мяцельскі М.С. Земствы і школа на Беларусі / М. С. Мяцельскі // Пачатковая школа. – 1992. – № 4. – С. 32–36.
6. НИАБ. Ф. 2084, оп. 1, д. 193.
7. НИАБ. Ф. 3181, оп. 1, д. 1.
8. НИАБ. Ф. 3177, оп. 1, д. 1.
9. НИАБ. Ф. 2084, оп. 1, д. 134.